

Прокопий (Пашенко), иером. «Я [Господь] утвержу столпы»[1] земли: Мировоззренческий сдвиг – детонатор наркотического бума и распада общества

22 октября 2013 г.

Какова причина наркотизации планеты? Неудовлетворенность социумом, дисфункция семьи? Генетика? И да, и нет. Изменился образ мышления современного человека, а вместе с типом мышления – и его отношение к социуму и к семье. В условиях смещенной оси координат отношение к психоактивному веществу (ПАВ) тоже стало иным. Претерпело трансформацию и отношение к собственной жизни и к жизни других людей. Мировоззренческий сдвиг запустил ряд процессов, которые перекроили само общественное жизнеустройство на новый лад. И в этом новом жизнеустройстве наркоманический уклад жизни является, скорее, очередным витком социальных отношений, закономерно-сформировавшимся этапом развития, чем какой-то случайностью, возникшей вследствие неправильно принятого кем-то закона.

Мировоззренческий сдвиг можно уподобить смещению крышки канализационного люка. Она сместилась, и все генетические предрасположенности человека (гневливость, стремление к сладострастию) остались без прикрытия. Увидев, что ничто им не препятствует выскочить наружу, голодные драконы из подземелья бросились наверх.

Давайте в таком контексте взвесим проблему наркомании, бросая на весы недоуменные вопросы и идя в ответах до конца. В данной работе там, где это возможно, произведен отход от наукообразного языка. Ведь цель работы заключается не в том, чтобы создать еще одну единицу хранения для библиотечной полки, а в том, чтобы попытаться кому-то что-то объяснить. И в первую очередь, тем, кого тема ПАВ касается напрямую, то есть молодежи. Но многие могут не воспринять наукообразный язык. Однако так уже принято, что первые страницы и пишутся часто тем самым наукообразным языком. Кому сложно их осилить, могут сразу перейти к следующей главе.

Написанная наукообразным языком, краткая аннотация нужна по нескольким причинам. Во-первых, для людей, которые привыкли к книжному стилю такого рода. Его дыхание в тексте они воспринимают как гарант того, что автор не шутит. Плюс ко всему, сама возможность составления краткой аннотация является экзаменом на непротиворечивость. Ведь, если не удастся сформулировать основную мысль работы, то есть вероятность, что она является внутренне противоречивой.

В работе речь пойдет о том, что наркомания не случайное явление в жизни отдельно взятой семьи. В самом обществе проявляются тенденции, которые приводят подростка к дырке на вене. Задуматься на эту тему не мешает даже и взрослым. Они с виду трезвы и отрицательно относятся к ПАВ, они могут даже устроить ребенку «нагоняй» по случаю найденной пачки сигарет или «косяка» марихуаны. Но им невдомек, что, если они воспитывают ребенка на эгоистической установке «грести все под себя», то они готовят его к наркомании. Если человек в своей жизни руководствуется принципами эгоизма и живет лишь для того, чтобы получать положительные эмоции, то, скорее всего, он столкнется в своей жизни с наркотиками.

В свой краткий, первоначальный период действия они дадут ему то, что он и искал – удовольствие. А когда это время промчится, уступив место жизненному распаду, эгоисту будет тяжело оторваться от наркотиков. Ведь оторваться от одного можно лишь устремившись к чему-то другому, лишь пожертвовав тем, что оставляешь. Эгоист же не привык жертвовать собой ни для кого и ни для чего. Он привык устремляться лишь к себе, а все резервуары его души, предназначенные для жизненных переживаний и впечатлений, уже забиты, как легкие у астматика, наркотическим переживанием. В силу того, что он привык считать свои мысли мериллом истины, а свои эмоции – единственным ради чего стоит жить, наркотическое переживание сливается с его личностью, срастается с ней. Чтобы вырваться из этого капкана, ему нужно выйти в иную плоскость жизни, где для него доступны станут радости иного, ненаркотического и неэгоистического порядка.

Легко или тяжело для эгоиста войти в мир наркоторговли? Тот, кто для себя стал всем, чужие жизни принимает за ничто. Они для него – монеты, на которые он думает купить самореализацию, построив корабль собственной мечты.

Идеология эгоизма – это, по сути, и есть идеология наркомании. И с ней не справиться, расклеив повсюду плакаты с перечеркнутым шприцом. Проблема глубже, чем кажется на первый взгляд. И можно ли ее решить, не поняв ее истоков?

Ответит нам портной, который продев иголку с ниткой не туда, ищет точку входа, чтобы через нее вытянуть иглу обратное и сделать правильный стежок. Если точка входа так и не будет найдена, то непрерывность нити будет прервана. Как разрушается непрерывный процесс, рассказывают кровавые жертвы общественных потрясений. Продеть иглу назад – это, как минимум, понять, почему сам жизненный уклад выдавливает людей в наркоторговлю и наркоупотребление.

Наркотический код вшит в самую матрицу общественного устройства. Повреждено само ДНК мировоззрения. И здесь речь идет не о случайных увлечениях случайных людей, не о том, что они по-молодости в чем-то не разобрались или за ними не доглядели родители. Речь идет не о кустарном производстве, а о производстве промышленных масштабов. Речь идет о схеме, сквозь которую проводится человеческий материал.

Если на выходе с конвейерной линии появляются треснувшие вазы, то, что нужно делать: закупать побольше клея или пересматривать механику конвейера? Конечно, найдутся и такие, что, взяв калькулятор, произведут расчеты. Если выяснится, что дешевле клеить вазы, чем переналаживать конвейер, то они будут клеить. Но не о таких людях речь. Речь идет о принципе: замазывать трещины – это не означает устранить проблему, не значит изменить процесс.

Итак, обещанная аннотация к работе:

Процесс становления и основные черты наркоманического уклада жизни можно описать так: В результате слияния отдельных усилий отдельных личностей, которые стремятся к собственному самоудовлетворению, рождается совокупное усилие, которое меняет тип общественного жизнеустройства. Воспроизводя себя, такое жизнеустройство побуждает людей искать в наркоупотреблении и наркоторговле ответы на свои жизненные вопросы. Условно, в этом процессе можно выделить три аспекта: общественный, культуруобразующий и личный.

Общественный аспект наркоманического уклада жизни

В результате совокупного усилия, которое складывается из отдельных действий общества и отдельных действий личностей, общество влечется к гегемонии (господству) наркоманического уклада жизни. Для общественного сознания при таком укладе характерно повышение статуса ПАВ, приятие и оправдание самого ПАВ и прибыли, получаемой от торговли ПАВ. Это приятие и это оправдание осуществляется на основе принятия обществом идеологии гедонизма, в связи с которой достижение удовольствия воспринимается как цель бытия.

Нейтрализация религиозного мировоззрения и культурных механизмов, сдерживающих внедрение наркоманического уклада жизни в традиционное жизнеустройство, также вносит свой вклад в становление гегемонии наркоманического уклада жизни. Этот уклад способен к самовоспроизведению. Своим давлением он склоняет отдельные личности к тому, чтобы в повседневной жизни они руководствовались нормами поведения, которые характерны для гедонистической установки. А также нормами, которые характерны для установки эгоистической.

Культурообразующий аспект наркоманического уклада жизни

Суть эгоистической установки состоит в том, что собственное «я» ставится в центре мироздания, а все прочее теряет свою самооценку и становится средством к самоублажению[2]. Такая установка в основных своих чертах дублирует установку наркоманическую, характеристики которой обусловлены свойством наркотического переживания. Оно «приводит жертву лишь к себе самой». При этом окружающий мир «не имеет собственной ценности», он «становится все более нереальным и далеким»[3].

Личностный аспект наркоманического уклада жизни

Становлению наркоманического уклада жизни способствует также утрата и намеренное подавление выработанных религией и культурой механизмов, которые формируют в личности стремление к неэгоистическим и ненаркотическим идеалам. Впрочем, вхождение в наркотизацию обусловлено не только стремлением личности получать удовольствие. Помимо прочего имеют значение факторы, влекущие личность к гегемонии (господству) внутреннего разброда.

Его зародыш присутствует в человеческой природе изначально. «Расстройство человеческой природы <...> и называется первородным грехом»[4]. Эта изначальная травма была окружена механизмами, врачевавшими ее разрушительное излучение на общество и на самого человека. Религия предлагала человеку путь обретения внутренней целостности в Боге. После отказа от этого пути, после слома механизмов выработанных религией и культурой бутылка с сидящим в ней джином была открыта.

Развитие разброда внутреннего, нередко усиливается разбродом внешним, воспринимается личностью настолько болезненно, что она начинает стремиться к отрицанию собственного существования, к личному саморазложению, к снижению порога чувствительности. На мысль о стремлении к снижению порога чувствительности намекает и само слово «наркомания» (этим.: от греч. *νάρκη* /narkē/ — оцепенение, сон, и *μᾶνία* /mania/ — безумие, страсть, влечение). Достижение на этом поприще некоторых успехов личностью воспринимается как блаженство (вырванный зуб не болит; счастье – это то, что было до зубной боли [неизвестн.]). В развитии внутреннего разброда ответственна и позиция личности, которую она занимает по отношению к Богу, к миру, к другим людям, к самой себе. Вследствие позиции несоответствующей духовным законам мироздания, изложенным в Евангелии, в котором ничего не навязывается, а лишь отражаются

объективно существующие законы, личность входит в стадию внутреннего раскола, самопротиворечия, что приводит к ощущению бессмысленности существования мира и существования самой себя. Личность, которая идет против самой себя, разрушает собственную целостность. У раздробленной личности искажается логика мышления. Когда же она входит в измененное состояние сознания, вызванное ПАВ, то ее логика кажется ей непротиворечивой и вполне адекватной. Возникает ощущение, что она будто бы соединяет распавшиеся части самосознания воедино (подобное происходит и в состоянии сна, когда любой абсурд может казаться приемлемым; можно, например, падать наверх). Переход же в трезвое состояние при таком положении дел воспринимается как тотальное крушение внутреннего мира. Наркотики в данном случае – это нечто, с помощью чего личность, входя в измененное состояние сознания, пытается посмотреть на жизнь мира и на свою собственную как на осмысленные явления. В море бессмыслицы, в условиях смещенной оси координат и утраты ориентиров наркотики и наркоманический уклад жизни становятся для некоторых людей мировоззренческой точкой отсчета, в связи с которой у них появляется вполне понятная и достижимая цель.

В работе «Мировоззренческий сдвиг» речь пойдет преимущественно об общественном аспекте наркоманического уклада жизни, хотя отчасти будут затронуты и другие. Более подробно каждый из них будет разобран на своем месте. Культурообразующий – в работе «Кто любит, тот любим»[5], а личностный – в работе «Познать свое призвание и следовать ему»[6].

РЕЛИГИОЗНАЯ ОСНОВА КАК «ГЛАВНОЕ» В СИСТЕМЕ МИРООЩУЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Религиозный взгляд на зависимость от психоактивного вещества (ПАВ). Почему принимать наркотики это плохо?

Какова причина наркотизации планеты? Желая найти ответ на этот вопрос столкнется с различными теориями. Чтобы ознакомиться с ними, необходимо время и определенный навык. Однако многое станет понятным сразу, как только мы поставим роковой вопрос: а почему принимать наркотики – это плохо? Ответить на него можно, обратившись к религии. «Слово Божье предупреждает нас, что пьянство относится к делам плоти, а посему люди, пристрастившиеся к алкоголю, Царства Божия не наследуют» (Гал 5. 19–21)[7].

Можно ли в статье о наркомании использовать данные, связанные с алкоголем? Можно. Ведь алкоголь – это наркотический яд. Игумен Анатолий (Берестов) – специалист по реабилитации нарко- и алкоголезависимых – отмечал, что человек, регулярно употребляющий алкоголь, «является наркоманом»[8].

Почему употреблять алкоголь и наркотики – это плохо? Чтобы ответить на этот вопрос, его нужно разобрать в перспективе вечной жизни. Приведенную ниже «мировоззренческую сеть координат» вдумчивый читатель сумеет наложить и на другие явления своей жизни. По аналогии с рассуждениями об алкоголе и наркотиках, можно рассмотреть и прочие страсти.

Алкоголь и наркотик искажают личность человека. Это искажение – мука отделения души от тела. Патриарх Сергей Страгородский объясняет, что страсти, которые питает в себе человек, «так искажают его духовную природу, что в будущем веке она неминуемо должна терпеть мучения». По учению святых отцов, настроение, которое человек создал себе во время земной жизни, станет содержанием его жизни за гробом. Бог, по мысли св.

Иринея, не наказывает грешников непосредственно Сам. Наказанием для них станет та «жизненная стихия», которую они добровольно избрали[9].

Чтобы понять слова о добровольно избранной жизненной стихии, представьте человека, который воспитал в себе сильное чувство ненависти. У каждого из нас, вероятно, были приступы ярости по отношению к кому-то. Постоянный всплеск адреналина лишает сна. Человек только задремлет и тут же просыпается от того, что забурлила кровь. И если исполненный ненависти человек умирает, то это состояние он забирает с собой в вечную жизнь. «Страсти, которыми жила здесь душа, – пишет святитель Феофан Затворник, – будут жечь и точить ее (там), как огонь и червь, и терзать ее непрерывными и неотвратимыми мучениями»[10].

Страсти, оставаясь в душе человека, будут продолжать требовать себе утоления, а утолить их будет уже нечем. Поэтому человек будет испытывать все более и более возрастающее чувство жажды. И «непрекращаемая мука эта все будет расти и расти, и конца не будет этому возрастанию и усилению. Вот и ад!»[11]

«Неутолимой жажде чувственных удовольствий» и страстям, по мысли святого Григория Синаита, соответствуют описанные в Священном Писании муки. Когда страсти входят в привычку, то их мучительное действие становится зачатком вечных мук[12].

Теперь применим сказанное к делу. Рассмотрим сцену из фильма «На игле», в которой главный герой фильма Рентон («Рыжий») мучается от «ломки». Кошмар, в который он погрузился, воссоздан кинематографом вполне реалистично.

Вот что Рентон рассказывал о себе, когда лежал на кровати в своей комнате: «Я еще не чувствую боль, но скоро она придет. Обязательно. А пока я в промежуточном состоянии. Слишком больной, чтобы спать, слишком уставший, чтобы бодрствовать. Скоро наступит “ломка”: пот, озноб, тошнота, боль и желание уколоться. Желание не сравнимое ни с чем, что я когда-либо испытывал. Оно уже на подходе». Наркотическую тягу Рентон удовлетворить не мог, так как был заперт в комнате родителями. Он стал кричать. Его пугали различные образы. Они возникали в его сознании, и от них он не мог уйти. Представьте, что такое состояние «зафиксируется» навечно.

Если предположить, что пот и озноб после телесной смерти отпадут, то картина все равно получается безотрадней. Останется психологическая тяга, которая будет все усиливаться и усиливаться. Стремление к ее удовлетворению можно во время земной жизни искоренить через образ жизни противоположный прежнему, греховному.

Задача человека состоит в том, чтобы успеть выйти в ту плоскость жизни, в которой стремление к эмоциям не является ведущей ценностью. В этой плоскости определяющей ценностью является то, что связано с Истиной. На пути к Истине возможны и боль, и кровь. Эти страдания уже не пугают человека, нашедшего в Истине свое высшее благо.

Если переход в эту плоскость бытия не совершается, то целью человека так и остается процесс получения эмоций. И трагедия ситуации состоит в том, что знакомство с наркотиками дает человеку самую сильную эмоцию. Миг соприкосновения с ней он не может забыть. Во всем, за что он ни берется, он хочет увидеть следы ее. Он ищет повторения даже тогда, когда пытается от нее избавиться. «Любовь, работу сумасшедшую, спорт “на грани”»[13], – вот что искал один человек в попытках забыть о наркотической тяге. Можно предположить, что здесь имеется в виду не та любовь, что возвышает человека. Но та, что вызывает бурление крови.

О такой любви одна в прошлом наркозависимая женщина выразилась так: «Мы больше любили героин, деньги, кураж, чем друг друга». Время показало, что двух людей мало что связывало. Какие у них были отношения? «Это могла быть страсть, – писала все та же особа, – но не любовь, не то, что может дать людям силу претерпеть долгую разлуку, например, или какие-то испытания»[14].

Если с помощью такой любви пытаются «перебить» наркотическую тягу, то это ни к чему не приведет. Тяга остается, только удовлетворяется другими способами. При таком подходе сам человек не меняется. Он лишь пытается «перехлестнуть» чем-то воспоминание о мгновениях «прихода». Эти воспоминания накатывают, словно цунами на прибрежный город, на мозг и через несколько лет после изменения жизни. И после отделения от тела душа будет перед ними совершенно незащищена. Она не закроется от них уже ничем.

Единственный выход состоит в том, чтобы измениться человеку, стать другим. «Главное, – считает игумен Анатолий (Берестов), – изменить образ мышления, поведения и вырвать наркозависимого из наркоманического круга общения. Изменить образ мышления и поведения – значит, дать человеку евангельское мировоззрение и евангельский образ жизни»[15].

Потенциал к положительным изменениям в момент смерти исчерпывается. «Нераскаянные грешники после смерти теряют всякую возможность измениться к лучшему»[16], – это свидетельство святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Суть проблемы, применительно, правда, к алкоголю, отражает в своих размышлениях архиепископ Иоанн (Шаховской). Для того чтобы применить его слова к возможной участи Рентона, не нужно быть семи пядей во лбу. Сказано предельно понятно: «Пьяница будет невероятно терзаться, не имея тела, которое можно удовлетворить, залив алкоголем, и тем немного успокоить на время мучающуюся душу»[17].

Даже, если и не привлекать к рассмотрению вопроса такие экстремальные кадры, как «ломка» Рентона, то картина все равно получается безотрадней. Чтобы страдать вечно, наркозависимому человеку достаточно зафиксироваться в своем обычном состоянии, пусть даже и после пережитой абстиненции. Какое оно, это обычное состояние? «Когда я трезв, меня тошнит от самого себя», – под этими словами одного потребителя первитина, наверняка, подпишутся многие люди, употребляющие наркотики или алкоголь.

А ведь в состоянии трезвости им придется пребывать вечно. Когда они освободятся от своего тела, то у них уже не будет возможности «подкрасить» свое состояние психоактивными веществами (ПАВ). Ведь не будет вен, чтобы произвести инъекцию; ни легких, чтобы покурить; ни ноздрей, чтобы вдохнуть кокаин, ни рта, чтобы выпить.

Иными словами, депрессия и весь спектр негативных эмоций, характерных для потребителей ПАВ, они унесут с собой в жизнь вечную. Там, лишенные тела, они не смогут продолжить употребление, будут испытывать вечную «тягу» без возможности ее удовлетворить. Не будет ни стакана, ни шприца, ни рук, ни ног. Будет только вечная жажда, усиливающая и усиливающаяся без конца. Такое положение дел сделает зависимых людей неспособными к блаженной жизни в Царствии Небесном. Чтобы избежать вечного страдания, человеку следует еще во время земной жизни озаботиться о преодолении своих страстей.

Религиозный взгляд смотрит на зависимость от ПАВ, как на то, что является душепагубным. Здесь позиция определена четко и однозначно. И эта определенность призывает к отказу от ПАВ. А выводится ли идея об отказе от ПАВ в современных наркологических концепциях?

Вне религиозного мировоззрения есть ли очевидный ответ на вопрос: почему принимать наркотики – это плохо? Как ни странно, нет!

Обратимся к трём концепциям, которые многие хорошо знают. Согласно этим концепциям, главной причиной возникновения наркопроблемы является дисфункциональность семьи, социум, генетика.

Согласно первой, нарушение внутрисемейных отношений является главным фактором вхождения в наркотизацию. Согласно второй, во всем виноват социум. Третья утверждает, что нарушение некоторых биохимических процессов, переданное по наследству, является главным фактором вхождения в наркотизацию.

Рассмотрим эти версии вне религиозного контекста.

Первая. Высказано множество предположений на тот счет, каким образом человек становится зависимым вследствие нарушения внутрисемейных отношений. Так, например, нарколог Сергей Белогуров размышляет о том, к чему приводит «несистематический, либо гиперпротективный характер (т.е. такой, когда за ребенка все время думают и решают взрослые)» воспитания. При таком воспитании, с точки зрения нарколога, формируется социально-пассивная и безответственная личность, которая ориентирована в основном на потребление. Предполагается, что эта личность не желает прилагать активные усилия для того, чтобы строить свое будущее. И перед наркотическим соблазном она беззащитна. После же того, как прием наркотиков начался, она не может в силу своих личностных качеств «выполнить непростую – долгую и трудную – душевную работу для возвращения в русло нормальной, “ненаркоманской” жизни»[18].

Мнение Сергея Белогурова – это всего лишь штрих к картине, которая нарисована современной наркологией. Кто-то говорит, что ребенок из дисфункциональной семьи получает различные «душевные травмы», от которых и пытается «закрыться» с помощью наркотиков. Кто-то пытается убедить публику в том, что в душе ребенка, любимого мамой, образуется «половинка», которую он, разлучившись с родительницей, будет пытаться заполнить с помощью наркотиков.

На этих версиях не будем сейчас останавливаться подробно. На тему «Наркотики и семья» следует поговорить отдельно. Наша же задача предельно проста. Она состоит в том, чтобы поставить следующие вопросы: что плохого делает ребенок, «закрываясь» от травмы с помощью наркотиков? Он хотел уйти от боли и таким образом достиг желаемого результата? Так в чем же проблема? Почему нельзя ему дальше продолжать действовать в подобном ключе? И почему такой способ ухода от травмы не достоин подражания?

Вторая версия. Концепция социума не говорит нам внятно, что наркотики – это плохо. Неудовлетворенность социумом, невозможность реализовать себя в любимой профессии побуждает человека искать решения своих проблем в ПАВ. А чем плох такой поиск? Ведь достигается же в каком-то смысле результат. Вот, например, человек, который потерял работу. Еще 5 минут назад он испытывал стресс. И тут взял и забылся в блаженной улыбке. Что здесь не так? И почему нельзя всем безработным давать бесплатные дозы наркосредств, чтобы сгладить их ощущение дискомфорта?

Третья версия. Она говорит о том, что некоторые люди рождаются с нарушенным синтезом веществ, ответственных за ощущение радости. Не имея возможности насладиться этой эмоцией в естественном порядке, люди и начинают употреблять психоактивные вещества. Их употребление, как утверждается, компенсирует нехватку радости и счастья. И несмотря на то, что хочется многое сказать по поводу данной версии, желание сие отложим. Сейчас же просто зададим вопросы: почему нельзя с помощью наркотиков устранять дисбаланс, предположительно возникающий вследствие нарушения синтеза эндогенных опиатов? Что неправильного в действии наркозависимых людей? Ведь есть же люди, болеющие сахарным диабетом, которые вследствие невозможности употреблять сахар, употребляют сахарозаменители? Нужно ли прекращать употребление наркотиков, которые помогает устранять предположительно возникающий дисбаланс? И если да, то по какой причине прекращать?

Для чего ставится вопрос: почему принимать наркотики – это плохо?

Для чего? Чтобы не «замести под ковер» саму проблему. Профессор Кара-Мурза советует «делать усилия, чтобы найти зацепку для вопроса даже в самом «круглом» утверждении, и помнить, что свойство нашего ума – уходить от трудных вопросов, «заметать их под ковер». Если человек научится говорить с собой, то его мышление «наверняка выйдет из колеи, предусмотренной манипуляторами»[19].

Одним из главных приемов манипуляции сознанием является втискивание проблемы «в искусственно построенный контекст». Часто этот контекст является ложным. И защита в этом случае будет состоять в неприятии «предложенной постановки вопроса». Следует заменить навязываемый контекст другим контекстом, «выстроенным независимо от потенциального манипулятора».

Когда человеком пытаются манипулировать, то ему предлагают такую трактовку проблемы, «которая уводит от сути». В этой ситуации следует поступать согласно высказыванию Достоевского, который говорил, что надо доходить до «последних вопросов». То есть следует, отвергнув предложенную трактовку, самому начать ставить вопросы. Углубляясь в проблему шаг за шагом, человек быстро приходит к сути, от которой его отводят[20].

Слова о том, что наркотики губят здоровье и сокращают жизнь, основаны на признании ценности жизни

Чтобы дойти до сути, поставим два роковых для общества вопроса: что плохого совершает человек, принимающий наркотики? Что плохого совершает человек, продающий наркотики?

Не будем спешить «перепрыгнуть» чрез эти вопросы в виду того, что ответ на них, мол, очевиден. Да, для кого-то ответ, что ПАВ разрушает здоровье и ведет к смерти, может, и очевиден, но для миллионов людей, принимающих ПАВ, отнюдь. Увы, слова о том, что ПАВ разрушает здоровье и ведет к смерти, впечатляют далеко не всех. И вот, наверно, почему. Этот ответ приемлем лишь для тех, кто признает жизнь человека значимой. Щекотливый нюанс состоит в том, что доказательная база ответа строится на убеждении, что человеческая жизнь – ценность. И предполагается подспудно то, что такое убеждение распространено повсеместно. Но ведь жизнь человека является ценностью не везде.

Один российский турист, вернувшийся из Кении, рассказывал о том, что человеческая жизнь там стоит не дороже пачки сигарет. Да что там Кения! Для многих современных

подростков мысль о ценности человеческой жизни вовсе не очевидна. Они не имеют четкого мотива сохранять свою жизнь от саморазрушения. «Многие наркоманы сознательно выбирают саморазрушающее поведение (т.е. наркоманию) так как думают, что в их жизни не существует ничего, чем бы стоило дорожить»[21], – так описывает ситуацию нарколог Сергей Белогуров.

В условиях отсутствия ориентиров человеческая жизнь перестает восприниматься как ценность. Самые «очевидные» утверждения перестают быть очевидными

«Я похож на протекающую раковину, на пустую кучу», – так начинает свою песню под названием «Истомок» группа «Многоточие». Есть ли в этих словах осознание ценности собственной жизни? Речь идет не о тщеславном самолюбовании, а об осознании осмысленности жизненного пути, которое не дает человеку покончить жизнь самоубийством.

Эти слова взяты из кинофильма «Пьянь» (1987), в котором актер Микки Рурк пытается реализовать в самом себе образ Генри «Хэнка» Чинаски. Генри – это литературный персонаж, созданный писателем Чарльзом Буковски. Считается, что в этом персонаже Буковски отразил собственную жизнь. Писатель, кстати, и написал сценарий к фильму; после съемки Микки Рурк признался в следующем: «После того, как я снялся в фильме “Пьянь”, мне казалось, что я больше не смогу играть ни умственно, ни физически. Я был разбит. Не выпивкой или наркотиками, я был разбит морально и, в какой-то степени, сломлен...»[22]

Откуда этот слом? Может быть, дух актера был парализован философией Генри, с которой актер попытался сжиться? Не подобный ли слом пережили миллионы спившихся, «сколовшихся», «скурившихся» людей? Чтобы понять истоки этого слома, обратимся ненадолго к философии Генри Чинаски – Чарльза Буковски.

Возьмем для рассмотрения стихотворение Буковски, которое называется «Неспособность быть человеком». Анализ этого стихотворения указывает нам направление, в котором следует искать истоки.

Буковски пишет: «Люди хватают наугад все, что ни попадя: коммунизм, здоровая пища, серфинг, балет, гипноз, групповая психотерапия, оргии, мотоциклетная езда, травы, католицизм, тяжелая атлетика, путешествия, здоровый образ жизни, вегетарианство, Индия, рисование, писание, ваяние, музицирование, дирижирование, туризм, йога, секс, азартные игры, пьянство, тусовки, замороженный йогурт, Бетховен, Бах, Будда, Иисус, машина времени, героин, морковный сок, самоубийство, костюмы индпошива, самолетные прогулки, Нью-Йорк Сити»[23].

Здесь в один ряд поставлены музицирование и гипноз, здоровая пища и героин. Иисус для автора имеет такое же значение как Бетховен и Бах. А те, в свою очередь, важны для него лишь настолько, насколько важен для него морковный сок.

Мир стихотворения похож на линию, которая состоит из равно-ничтожных для человека точек. Все является ничтожным потому, что нет «главного», то есть того, относительно чего человек мог бы определить, что в его жизни является значимым, а что – нет. Отсутствует ось восприятия, благодаря которой человек отделяет важное от не важного.

Стихотворение очаровывает многих своим нигилистическим пафосом. Но те, кто поместил это стихотворение на свою страничку в «Интернете», наверное, с удивлением

узнают, что пафос этот небезопасен. Интеллектуальное срастание с мировоззренческой основой стихотворения может запустить процесс, который А.Г. Данилин охарактеризовал как «шизофреническая диссоциация личности».

Дело в том, что утратив ощущение «главного» в своей душе, человек оказывается неспособным логически объяснить и «связать в единую смысловую систему свои переживания»[24]. Когда личность лишается единого центра, то она «распадется на эмоциональные осколки», которые состоят из «кусочков» личностного единства, пытающегося спастись. Такие частички имеют свойство стремиться к автономному существованию. И каждая из них «постарается стать центром восприятия – создать новое «Я» (новое единство)»[25].

Следы такой диссоциации, распада, видны на полотнах художников, которые испытали на себе воздействие психоделической (наркотической) культуры. Их полотна, напоминающие рисунки больных шизофренией, становятся «вместилищем любых «обрывков» материального мира, который для автора был когда-то значимым (фрагменты фотографий, цифр, схем и пр.). Художник напоминает ребенка, который, разбив мозаику, не может ее собрать потому, что не может вспомнить целого – изображения на мозаике до того, как она разбилась».

Подобным образом и психически больной человек, прошедший через распад личности вследствие заболевания шизофренией, или наркозависимый человек, прошедший через распад личности вследствие зависимости от , «пытается собрать воедино осколки своей личности». В рисунках больных шизофренией читается потребность найти ту силу, «которая сможет вновь внушить или привнести на полотно утраченный смысл», а собственную личность и окружающую реальность – утраченные ориентиры. «Миры рисунков отражают хаос, тоскующий о возврате Творца – Логоса сознания»[26].

Эти рисунки мы еще вспомним, когда пойдет речь о последствиях распада государства. Тогда мы проследим судьбу «осколков». Сейчас нас интересует другая сюжетная линия: человек, лишившийся, возможности совершить осмысленный выбор вследствие утраты «главного».

При отсутствии «главного», все ценности приобретают равное значение. Распределение объектов по шкале значимости становится невозможным. Ведь приоритеты мы можем расставить только, соотнеся объект с тем «главным», что у нас есть.

Все мы, наверное, привыкли к тому, чтобы задавать себе вопрос: как действие, которое мне нужно совершить, соотносится с «главным»? Если мне нужно через 15 минут быть на дне рождения своей невесты, то стоит ли мне заниматься покупкой обоев? Если я уже серьезно опаздываю на день рождения невесты, стоит ли мне, купив обои, заниматься их расклейкой?

Качество ответов зависит от того, как человек относится к невесте. Является невеста ценностью для человека или нет? – вот, в чем вопрос. Стоит лишь правильно на него ответить и ситуация с обоями решится.

Клеить или не клеить? Эта дилемма вовсе не шутка. Один человек, ставший вскоре после этой истории героинозависимым, появился в доме невесты лишь спустя несколько часов после начала торжества. Вы знаете, чем он занимался? Это смешно, но он клеил обои по просьбе друга у него в квартире. Такое мероприятие жениху показалось большей ценностью, чем психическое здоровье женщины, которая его любила. Она ждала, она

плакала, она нервничала. Но эти очевидные аргументы в расчет молодым человеком взяты не были.

Таким образом, очевидного ответа на вопрос: ехать к невесте или не ехать – нет. Ответ зависит от того, что на данный момент является «главным». Если «главное» – это поклепка обоев, то это говорит, конечно, об упадке отношений между влюбленными. Но это еще не полная катастрофа. Ведь у жениха остаются хоть какие-то жизненные ориентиры. Тотальная катастрофичность наступает с утратой «главного». Если «главное» становится «таким, как и все остальное», то утрачивается возможность совершить осмысленный выбор. Теряются такие понятия, как «более важное» и «менее важное». Все становится равным, равноценным, равнозначным.

Обои, невеста, лежание на диване, пакет молока, удар в челюсть соседу, – что из этого выбрать для занятия на вечер? При отсутствии «главного» человек выберет тот образ, который вспыхнет в мозгу ярче всех.

В условиях равнозначности образов человек, по мысли Данилина, «слышит не то, что для него важно, а то, что звучит громче»[27]. Ведь, если ценности для человека имеют равное значение, то он не может «ощутить иерархию идей и объектов этого мира»[28]. Развивая эту мысль, А.Г. Данилин, пишет, что стол для человека в условиях равнозначности образов имеет такое же значение, что и другой человек. А сама жизнь «несет такую же символическую нагрузку, как и смерть». Утрачивается смысл самих понятий, с помощью которых совершается отбор предметов в категории «хорошо»/«плохо» и «люблю»/«не люблю». Память и предшествующий опыт становятся ненужным бременем. Ведь человек, потерявший возможность оценить иерархию идей, может «переварить только сиюминутное»[29]. Таким образом, кажущийся избыток возможностей для совершения выбора «оборачивается невозможностью» совершения выбора[30].

Когда выбор совершить невозможно, то человек выбирает то единственное, что он может «переварить», то есть свое сиюминутное состояние. К чему в результате он приходит? К острым ощущениям, наркомании, алкоголизму, эротизму и прочим содержаниям, которые входят в набор потерявшего себя человека.

Он думает: «Я не могу осмыслить мир. Но я могу прочувствовать, как забилося сердце в предчувствие драки между фанатами, одним из которых являюсь я. Я не могу осмыслить собственную жизнь, но мне дано прочувствовать, как в голову бьет наркотический приход. Я не могу понять, куда мне двигаться дальше, но я фиксирую, как алкоголь, обжигая глотку, выключает меня из мира, который я не могу осмыслить».

Кстати, к подобным мыслям приходит и автор стихотворения «Неспособность быть человеком». «Хорошо, наверное, когда есть выбор, – пишет он в заключении. – Я свой выбор сделал. Я взял четверть галлона водки и врезал, не разбавляя»[31].

В условиях отсутствия ориентиров человек выбирает «сиюминутное»

Такая мировоззренческая позиция формируется иногда вследствие крушения ценностей. Если у человека есть одна, главная ценность, и вдруг она исчезает, то внутренний мир поглощается хаосом. Ломается иерархия, в соответствии с которой по степени значимости распределены прочие ценности. А если нет иерархии, то человек оказывается в концептуальном мире стихотворения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Употребление опьяняющих веществ, – пишет И.А. Жмуров, – может быть обусловлено тяжелыми, невосполнимыми потерями, утратой или дискредитацией важнейших ценностей»[32]. В качестве примера можно привести слова одной женщины, которая потеряла двух своих дочерей. «Может, мне спиться?» – спрашивала она. Когда дети были живы, у нее был весомый мотив вести трезвую жизнь. Но их не стало – мотивация стала рассыпаться.

Комментируя слова Жмурова, игумен Анатолий (Берестов) делает поправку. Он указывает на то, что современным подросткам «терять было нечего – у них духовно-религиозные ценности отсутствовали изначально, они не были сформированы». То есть подростки были лишены их. Здесь «следует говорить не о потере, а об изначальном отсутствии смысла жизни»[33].

Подростки были изначально лишены того «главного», наличие которого позволило бы сделать им осмысленный выбор. Они родились в концептуальном мире стихотворения «Неспособность быть человеком».

В условиях отсутствия ориентиров распад личности происходит быстро. Объяснение таких понятий как честность и трезвость становится затруднительным

О том, насколько такое положение дел серьезно, свидетельствует история одного мужчины. Действие ее разворачивалось во времена Советского Союза. Средняя заработная плата тогда равнялась 120 рублям. И получавшего такие деньги рассказчика стал звать к себе в напарники мясник, который получал от 20 до 70 рублей в день. И это – помимо зарплаты. Из этих денег мясник отдавал 10 рублей заведующей магазином; 1–2 раза в месяц клал на весы по 50 рублей работнику ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Чиновник тихо вставал в очередь, брал с весов банкноту и исчезал на некоторое время. Все, что оставалось сверх этих взяток, – являлось «чистой» прибылью мясника, который умел виртуозно обвешивать покупателей.

«Зачем ты на заводе работаешь? Давай ко мне», – звал он рассказчика. Рассказчик растерялся. Терзаемый сомнениями, он подошел к своей матери и спросил: «Мама, а почему мы должны на заводе работать за 120 рублей в месяц, когда тот товарищ получает от 20 до 70 рублей в день?» «Ну, понимаешь, сынок... Дело в том...» – и тут она осеклась. Действительно, а что на это ответить? Сказать-то и нечего!

Только в последствие, придя к Богу, пытливый сын понял, что ответ на этот вопрос корнями уходит в область религиозного мировоззрения. Но так как мама таким мировоззрением не обладала, то и ответить ничего не смогла.

«Если человек живет без религии, – комментировал свою историю рассказчик, – если человек не имеет внутреннего стержня, то я и не знаю, как он сможет удержаться. Обязательно, в какую-нибудь яму съедет».

Гармонично сочетаются с этой историей слова из письма одного заключенного: «Как быстро и нехорошо при грехопадении меняются интересы человека, – писал он. – Когда я стал слабеть духом, то те люди, которых я вчера сторонился из-за их непристойного поведения, вдруг стали мне самыми близкими друзьями. Женщины с неприличным поведением стали очень уважаемы, а то и более того... Это говорит о том, насколько я все-таки слабый человек. Перевоплощение произошло не за годы и месяцы, а за несколько дней. Мой ребенок, по которому у меня болела душа, вдруг мне стал безразличен. Я, не боявшийся вероятного противника в бою, стал капризным, мнительным, брюзгливым по

любим мелочам... Мои однополчане, с которыми я прослужил много лет, пытались спасти меня, но я стал только сторониться их. Как уязвим человек, как непрочны наши устои, если они безбожные»[34].

Такое «сползание», если речь идет о молодежи, может произойти в течение одного дня. Вот реальная история. Один юноша познакомился возле Эрмитажа (город Санкт-Петербург) с группой подростков, которые «жили сами по себе». Некоторые из них ушли из дома. Жили на чердаках. Если им хотелось покурить, то они вываливали содержимое мусорных урн на асфальт и искали в куче хлама окурки. Глядя на этот процесс, юноша думал, что он никогда не смог бы так себя вести. Но уже вечером этого же дня он с удивлением обнаружил, что полулежа на тротуаре попыхивает окурком, найденным в урне. Допить пиво из выкинутой кем-то бутылки представлялось уже делом не страшным, а естественным и привычным. Уже вечером юноше стало казаться, что он всегда так жил.

Почему метаморфоза произошла в такой короткий срок? Потому что у юноши не было четкого мотива для того, чтобы не вести себя так. У него не было верного критерия, в соответствии с которым он мог бы определить, хорошо или плохо он поступает. Если на вопрос: почему курить «окурки – это плохо?» – ответить еще хоть как-то можно, то на вопрос: «чем плох наркотик?» – ответить очень тяжело.

В секулярном обществе нет внятного ответа на вопрос: почему наркотики нельзя употреблять. Следовательно, отсутствует и четкий мотив, в связи с которым человек мог бы не употреблять наркотики. Отсутствие мотива и критериев оценки приводит к тому, что вхождение человека в наркотизацию происходит легко и незаметно, как бы естественно.

По мнению Наталии Марковой[35], атмосфера, в которой человеку становится «непонятно, что хорошо, а что плохо», нагнетается искусственно. Человек теряет ориентацию в жизни, если попадает в оболочку из информации «о возможности постижения мистики и сверхчувственного: об астрологии, ужасах, пришельцах, НЛО». Потеря ориентации подталкивает его «к безответственному входу в мир наркотиков»[36].

Да, и не только в качестве потребителя. Но и в качестве торговца.

Естественно, многие из нас считают, что торговать наркотиками – это плохо. Но многие не знают, чем это можно обосновать.

Вот мама спрашивает сына: «Как ты мог додуматься до того, чтобы торговать наркотиками? Ты что не понимал, что ты губил чужие жизни?» Аргумент мамы понятен. Он основан на признании того, что жизнь другого человека является ценностью. Для мамы это очевидно. Для сына же – нет.

Люди по инерции говорят о ценности человеческой жизни, но, спроси их в лоб, – не все смогут ответить, почему они так говорят. Они ответят, что такое мировоззрение досталось им от родителей. А тем – от их родителей.

Первые родители знали, почему они так говорили. А многие из современных родителей уже не знают. И проблема состоит в том, что людьми утрачено то «главное», относительно чего жизнь человека можно определить как ценность. Если базиса для формирования сознательных умозаключений нет, то продержится ли долго память поколений?

С каждым поколением слабеет убежденность в том, что жизнь человека является ценностью. Сознание стачивается вопросом: а почему нельзя губить чужие жизни? Вопрос для современного общества тупиковый.

Кто-то, конечно, пытается ответить на него через апелляцию к экономике. «Фирма, – мол, – работает более эффективно, если работники общаются друг с другом тепло и по-семейному».

Некоторые фирмы не скупаются на организацию мероприятий, во время которых работники могут общаться друг с другом в неформальной обстановке. Да, корпоративные встречи несут много позитива.

Но все-таки. Такие аргументы относятся к области человеческих мнений. А мнения – слабые аргументы для простого гражданина. Пример тому – история одного мальчугана, который в последствие стал матерым рецидивистом. Промышлял он, кстати, помимо прочего и тем, что возил анашу из Казахстана.

«Надо быть честным», – так родители говорили ему в годы юности. Но он рано начал сомневаться в справедливости родительских слов. «Смотрю, – говорил он, – кругом все воруют. И ничего! Живут нормально. Мама у меня мясом торговала. Воровала, – и ничего! Где это написано, – подумал я, – что нельзя воровать?»

Родившееся сомнение вылилось в первую кражу. Мальчик, которому на тот момент было тринадцать, украл с подельником велосипед. В бардачке ребята нашли 80 рублей – почти месячную по тем деньгам зарплату.

Когда ребят привели в милицию, то они «пошли в отказ». Подельники научили подростка этому нехитрому приему. «Говори, что ничего не знаешь», – наставлял старший. И через некоторое время обоих отпустили. И началось: печенье, лимонад (подросток тогда еще не пил и не употреблял наркотики). Гуляли на широкую ногу. Герой истории, увидев, что преступление сошло ему с рук, понял: можно жить и так. И с этой кражи началась его преступная «карьера».

У этого мальчугана не было серьезных мотивов менять свою установку на другую. И ценность честности для него была не очевидна. Подобно этому, у многих людей, употребляющих наркотики, нет серьезных мотивов менять свои поведенческие установки. И ценность трезвости для них не очевидна.

В виду сказанного стоит задуматься над следующим примером. Одного подростка родители уличили в курении гашиша. Состоялось семейное собрание, на котором подростка пытались пристыдить. «То, что ты делал, – говорили родители, – это очень плохо!» А он возьми, да и скажи: «А я попробовал и ничего плохого не заметил. Мне показалось, что гашиш – это нормально». Родители стали нервничать и возмущаться, но оспорить ответ оказались не в силах. Действительно, а что сказать-то?

Мысль о ценности жизни основана на проповеди Христа

Вне религиозной оси координат сложно доказать, что употребление и продажа наркотиков – это плохо. Чтобы это понять, достаточно «трезво» взглянуть на главный «антинаркотический аргумент». Он очень прост. Везде мы слышим, что наркотики вредят здоровью и приводят человека к смерти. Чуть позже рассмотрим это высказывание подробнее и в итоге поймем, что на нем тяжело построить здание с вывеской

«Профилактика наркомании». Пока отметим, что это высказывание не самодостаточно. Оно основывается на убежденности в ценности человеческой жизни. Только признав жизнь человека ценностью, мы можем признать неправильными те действия, которые ведут к ее сокращению или преждевременному прекращению.

Интересный вопрос: откуда мы знаем, что жизнь человека является ценностью?

О ценности ее люди отчасти знали и до пришествия Христа. Но во всей полноте учение о ценности человеческой жизни сформировалось лишь после Его проповеди. А.Г. Данилин писал, что «представление о человеке как отдельной личности, свободной в своих поступках и несущей ответственность перед Богом <...> появилось 2000 лет назад, после проповеди Христа»[37].

На основе христианства, которое стало нормой «создавшей наши души», сформировалось представление о нормальном или «хорошем» человеке, то есть о том, каким он должен быть 'тот человек, по мнению многих, должен быть внимательным, добрым, отзывчивым, чутким, понимающим... по отношению к другим людям. «Хороший человек должен быть уверенным, имеющим внутренний стержень, имеющим яркую индивидуальность, чувство собственного достоинства, способность постоять за себя, быть интересным и ответственным». Он «должен с любовью и ответственностью относиться к другому и, вместе с тем, сохранять самостоятельность – иметь собственную индивидуальность»[38].

Продолжая мысль Данилина, можно сказать, что на основе этих представлений сформировались такие привычные для нас понятия, как взаимоуважение, солидарность, взаимопомощь.

Кажется справедливым то утверждение, что человек формирует принципы своего поведения, опираясь на мировоззрение, которым обладает. Есть принципы, по мысли Виталия Каплана, и есть «мировоззрение, на основе которого эти принципы вырастают» [39].

Что произойдет, если из-под человека выбить ту основу, опираясь на которую формирует свои принципы? Принципы «повисают в воздухе». Они лишаются своего обоснования.

Взять, к примеру, такую ситуацию. К господину N подходит сосед и просит его о срочной помощи. Господин спешит умчаться по важным и очень важным делам. Что делать ему? Какой путь развития избрать? Проигнорировать просьбу или исполнить ее, ущемив при этом собственные интересы? Господин N рассуждает про себя: «Я являюсь христианином и верю, что Иисус Христос – это Бог. Христос заповедал любить людей. Следовательно, я должен проявить любовь и к этому человеку. То есть я должен ему помочь».

А каков будет ответ этого господина, если он будет считать себя материалистом и атеистом? Человека такого склада ума, если он последователен в своих суждениях, должен, по идее, видеть в соседе лишь биологический объект, который состоит из атомов и молекул. Эти молекулы, в принципе, везде одни и те же. Они составляют субстанцию и живого человека, и дохлой коровы, и того, что находится в использованном по назначению унитазе.

При таком подходе к проблеме, ответ, как Вы догадываетесь, будет совсем иным. Схема размышлений не приводится в виду ее грубости и в виду того, что она и так понятна.

Кто-то возразит и скажет, что многие люди не руководствуются религиозными нормами и при этом они – добры. Все это так. Но доброта таких людей – это, если хотите, «остатки былой роскоши». Эти люди впитали в себя то, что предложила им культура, сформированная христианством. Но ведь культура меняется. Она не похожа на раз и навсегда зацементированный куб.

Элементы культуры держатся в ней, пока существует акт их сознательного принятия. Если христианский элемент не укрепляется тем, что люди сознательно его принимают, то он «выветривается» из культуры. А раз так, то мысль о необходимости любви становится все менее и менее очевидной. При отказе от христианства эта необходимость теряет свое логическое обоснование.

Если люди отказываются от христианского мировоззрения, то они уже не могут объяснить себе, почему именно им следует быть добрыми. Отказ от христианского мировоззрения влечет за собой и отказ от тех понятий, которое оно сформировало. Вне религиозного контекста они теряют смысл. Люди по инерции еще говорят о взаимном уважении. Но без апелляции к религии трудно ответить на вопрос подростка: «А почему я должен кого-то уважать?»

И здесь видна трагичная непоследовательность родителей, которые запрещают своим детям ходить в храм и стараются искоренить в них религиозный порыв. Неужели эти родители не понимают, что роют яму самим себе. Конечно, их поведение оправдано, если ребенок попался в сети тоталитарной секты. Но мы здесь не о секте говорим.

Пусть родители зададут себе убийственный вопрос: почему мои дети должны уважать меня? Если дети обладают христианским мировоззрением, то ответ на этот вопрос не сложен. Ребенок неосознанно, но размышляет: «Я верю в Бога. А Господь заповедовал чтить отца и мать. Следовательно, и мне подобает чтить отца и мать».

Если устраняем христианскую основу из ума и переводим ум на материально-атеистические рельсы, то что получится? Рассмотрим лучший вариант, то есть тот, при котором у человека сохраняется мысль о справедливости. Он размышляет: Родители дали мне образование и заботились обо мне 20 лет. Если я сдаю их в дом престарелых и оплачиваю их пребывание в нем – мы квиты.

При худшем варианте родители представляют собой вышеупомянутое «сборище», которое к тому же занимает столь дефицитную жилплощадь. Что человек делает, если посреди комнаты находится «сборище» молекул? Выбрасывает его. Что, кстати, и происходит со многими стариками.

Каков материалистический взгляд на родителей? Из концепции материализма логически вытекает вывод, что родители – это куски мяса, которые дают ребенку деньги и еду. Из этого вывода следует другой: если родители не в состоянии давать ребенку деньги и еду, то ребенку, получается, не зачем тратить на родителей время. Да, культура, цель которой заключается в воспитании народа, и призывает к заботе о родителях. Но этот призыв – дань здравому смыслу, инстинктивное желание защитить существование преемственности. Но этот призыв и это желание разве оправданы логикой материализма? Если человек – всего лишь желудок на ногах, то, какое ему может быть дело до таких «сентиментальностей» как культура, ответственность за коллектив и забота о «старых», породивших его «желудках»?

В чем-то виноваты в своих страданиях сами родители, которые не дали детям мировоззренческую основу, помогающую детям воспринять жизнь своих родителей как ценность. А некоторые родители и напрямую препятствовали тому, чтобы дети жили в вере.

В этой связи хочется привести такой пример. Один юноша женился на девушке-христианке. У них родился сын. Счастье укутало семью своими крыльями. Но иногда сквозь них просачивался голос тещи. «А ты с сыном был в воскресенье в храме?», – спрашивала она молодого папу. И его этот вопрос очень раздражал. «Я хочу в выходной день сходить с сыном в Макдональдс», – с возмущением говорил он.

Остановимся на этой фразе. Во-первых, поход в храм вовсе не перечеркивает перспективу совместного проведения выходного дня. Можно после службы зайти куда-нибудь пообедать и отправиться гулять. Впрочем, дело не в этом.

Пока сын маленький, его еще будут интересовать папины угощения. Но сын вырастет. И что дальше? Лет в 18–20 ему захочется алкоголя и наркотиков. У него появятся друзья, которые будут приезжать за ним на машинах и сигналить, поторапливая его на выход. «Сынок, – спросит папа, – а мы разве не пойдём сегодня с тобой в Макдональдс?» «Пап, – ответит сын, – не сегодня. За мной приехали. Давай, в следующий раз. Ладно?» А в следующий раз, все отложится до следующего раза. А там – опять до следующего.

Итог понятен. Общие темы для разговоров со временем утрачиваются. Сколько можно говорить о еде? Парню уже 20 лет, и он уже носит два газовых пистолета под курткой!

Общие темы могут появиться лишь там, где люди говорят о «главном» и том, что значимо для обоих: и для отца и для сына. Такие разговоры всегда свежи, они, словно глоток воздуха, укрепляющего человека. Но «главное» можно понять лишь тогда, когда усваивается понимание целей и смысла бытия: как собственного, так и всего мира. «Познание целей, – как убеждает нас в этом Лев Тихомиров, – мы можем искать только в области показаний религиозных. Оно всегда и уясняло людям смысл их личной и мировой жизни»[40].

Религиозное познание открыто для людей всех возрастов и профессий. Оно является площадкой, на которой могут встретиться все поколения. И седые старцы, и молодые спортсмены если где и объединяются, то здесь.

И на других площадках возможен, конечно, контакт. Но этот контакт будет не единением, а лишь времяпрепровождением. Сын, поглядывая на часы, будет делать вид, что внимательно слушает отца. И как только засигналит, подъехавшая к дому машина с «ребятами», сын извинится и уйдет.

До определенного времени папа будет нужен сыну как источник «карманных денег». В том же случае, если сын обретает финансовую независимость, он покидает родителей. Не в плане даже переезда. Покидает на уровне бытия – родители для него перестают существовать.

Кто-то с этой схемой, конечно, не согласится. Кто-то скажет, что есть, мол, много порядочных людей, которые не бросают родителей. Да, конечно, они есть. Но есть они во многом потому, что жили они в обществе, которое еще помнило о своих религиозных корнях. Люди по инерции пользовались христианскими понятиями, сформированными на основе христианского представления о личности.

Однако носителей христианского мировоззрения становится все меньше. Наблюдать, соответственно, остается практически не за кем. И детей, которые любят своих родителей, становится все меньше.

Не только к родителям становится любви все меньше. Ее становится все меньше, в принципе.

И здесь стоит принять во внимание данные Данилина. Он просил людей записать 10 свойств, которыми, с их точки зрения, должен обладать «хороший» человек. Выше были приведены данные анкетирования, в котором участвовали представители старшего поколения. Если это же задание дать молодежи, то ответы молодых людей будут выглядеть иначе. «Из них постепенно уходит доброта и любовь к другому человеку. Они больше не верят в необходимость любви...»[41]

Здание общепринятых ценностей разрушается при взрыве религиозного фундамента

Любовь, верность, честность, чувства долга и благодарности теряются, по мнению протоиерея Владимира Воробьева, там, где теряется вера в Бога. Ведь нравственное учение и воспитание строятся на вере в Бога, Который есть «любовь и абсолютное добро». Атеизм же не воспитывает у людей нравственность. Ведь к бездушной материи «сами понятия любви и добра просто неприменимы». Отец Владимир справедливо замечает, что «подавляющая часть нашего народа желает возрождения нравственной, честной, трезвой жизни, восстановления семьи, рождения детей, а не разврата и вымирания»[42].

В качестве примера, иллюстрирующего мысль протоиерея, можно привести праздник Дня семьи, любви и верности, который проходит в городе Муроме 8 июля, в день памяти святых Петра и Февронии, ставших для русских людей символом верности и любви друг другу. Эти торжества постепенно становятся общероссийскими и празднуются в Москве и Петербурге, в Сибири и на Дальнем Востоке. Праздник воскрешает забытые традиции благочестивой семьи и призывает помнить о верности, о любви, о семейном счастье, об уважении к старикам. Он медленно, но верно преображает город. В Муроме увеличивается рождаемость и снижается смертность. «Еще в 2007 году Муроме было 296 многодетных семей, а сейчас их уже 450!»[43]

Случайность? Ответить на этот вопрос можно, сославшись на страницы документальной повести Виктора Николаева «Из рода в род». Одна из глав этой книги посвящена деятельности полковника Николая Дмитриевича – начальника колонии, по инициативе которого в курируемом им учреждении открылся церковный приход. Его существование заметным образом изменило положение на «зоне». Улучшилась обстановка, «организовалась полезная и нужная работа, от которой начала поступать финансовая поддержка семьям на волю»[44]. Что-то начало меняться в жизни заключенных. Двое из них «получили письма от жен с прощением и желанием примирения. <...> Молодому инженеру прислали официальный документ о том, что его хотели бы видеть на прежней должности с хорошим денежным окладом»[45].

Изменение повседневной действительности было статистически уловимо. Оно отразилось в реальных цифрах, которые показывали «состояние дел в колонии до... церковного прихода и после него»[46]. Количество прихожан по сравнению с общей массой заключенных было незначительно, словно крыло мухи. Но все-таки приход удерживал «тюремный мир в равновесии»[47]. Количество прихожан со временем стало увеличиваться. «Прежде враждебные, они сдружились»[48].

Почему так происходит? Много в жизни человека определяется тем, что для него становится главным, то есть смыслом жизни. Сама человеческая природа, как писал Лев Тихомиров, «побуждает человека искать смысл жизни и ставить в гармонию с ним все существование: свое личное и вообще человеческое»[49].

Вопрос смысла существования неразрывно связан с вопросом об основной силе бытия. Где ее искать: в Боге, в природе, в человеке, в дьяволе? От представлений о высшей силе зависит и все остальное, «в том числе наша этика и наш долг, наши задачи в отношении себя и всех окружающих»[50]. Так, идеи христианства, вытекая из учения веры и проникая в психологию людей, дают им «верное понятие о должном, благородном, о чести». Эти идеи воспитывают в людях определенные требования к жизни даже тогда, когда они и не думают о вере[51].

Справедливо и обратное. Святитель Николай Сербский в своих посланиях сербскому народу из концлагеря Дахау утверждает, что тот, «кто без Бога, тот без истины и милосердия. Ибо сказал прозорливец: “Милость и истину любит Господь”. И тем, кто потеряет Господа, сохранить милосердие и истину невозможно»[52].

Святитель считает, что кризис постиг Европу именно потому, что она утратила «понятие о страшном Боге и святом человеке»[53]. Извратив понятие о Боге, люди перестали Его бояться. А извратив понятие о человеке, перестали стыдиться людей.

Прерывая размышления святителя, следует определиться в понятиях, чтобы уберечь некоторых из читателей от смущения. Оно может возникнуть при столкновении со словом «бояться».

Так вот. Бог – это не карающий мститель. Иисус Христос открыл человечеству, что Бог есть Отец.

И у детей доброго отца есть в жизни страх. Только не такой, как у детей отца-садиста. Вторые боятся, что, напившись, биологический папа будет их бить. А первые настолько любят отца, что боятся его потерять.

Дети Милосердного Отца Небесного боятся утратить Божественный Свет, который воссиял в их душах и избавил от тоски и жажды самоубийства. И, наверное, красноречивее, чем выдержки из богословских сочинений, этот вопрос разъяснят строки из дневника Варвары. Ее муж Семен однажды позвонил ей и спросил ее: «Можно ли помочь ближнему, совершив грех?» И вот что Варвара по этому поводу пишет: «Семен, пройдя непростой путь криминальной жизни, уже ничего в жизни не боялся. Сегодня Семен боится потерять Бога, и этот страх дает ему силы принять решение: отказать в такого рода помощи другу»[54]. Со временем Семен полностью отошел от криминала. Во время подготовки очередного преступления, когда распределились роли, кому что делать, Семен объявил подельникам, что остается в Церкви. «Я свой выбор уже сделал»[55], – сказал он. На удивление, разрыв с криминалом обошелся для Семена без серьезных последствий. «Никаких обид, – со временем сказали подельники. Правильный выбор сделал – каждому свое»[56].

Мог ли, ничего в жизни не боявшийся Семен, убоиться какой-нибудь философской доктрины? Мог ли он, идя на преступление, остановится, вспомнив о каком-либо мыслителе или общественном деятеле?

«Не дерзких, богатых и ученых людей стыдятся, – говорит святитель Николай Сербский. – Стыдятся лишь святых. Никто не стыдится за свои преступления перед Вольтером, Наполеоном или Марксом. Или перед другими им подобными, из которых Европа создала свой пантеон без ореола святости». И хотя некоторые мыслители и называют природу божеством, «никто еще не убоился европейского профессорского божества природы»[57].

Обожествление природы логически приводит человека к атеизму, к отрицанию существования Бога. Лев Тихомиров объясняет, что вера в неизменные законы природы не дает опоры для веры «в свободу воли». Остается признать, что мнимое божество природы не обладает личным характером. А это признание равносильно признанию, что божества не существует. Поэтому «атеизм, отрицание существования Бога, является родным братом пантеизма»[58].

Противостояние двух принципов – религиозного и пантеистического (а значит, и атеистического) святителем Николаем Сербским представлено в виде поэтического образа. Церковь ведет диалог с призраками, в которых святитель увидел причину второй мировой войны, «небывалой по жестокости и ужасу».

Церковь говорила им, что нужно почитать отца и мать. Она увещевала их не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать. Призывала не желать чужого, учила уступать старикам, уважать находящихся у власти, молиться Богу и соблюдать посты. Она прививала им мысль о добрых делах и покаянии в грехах.

Призраки же отвечали, что их философы учили их по-другому: отделяться от отца и матери, как от носителей гнилого прошлого; убивать любого, кто встанет на пути; считать прелюбодеяние естественным явлением, при рассмотрении которого нужно брать пример с быков и ослов; следует жить свободно, согласно инстинктам, наподобие тигров и медведей. Философия проста: «Ты – животное и не стыдись этого, а живи как животное»[59].

Является ли диалог Церкви с призраками лишь поэтическим образом или под ним есть реальная основа? История показывает, что образ этот вполне оправдан. Только после того как произошел отход «от христианского представления о человеке», заинтересованные лица, как писал профессор Кара-Мурза, сумели оправдать расизм, а расистская идеология явилась обоснованием насильственного захвата одних стран другими.

Отход от христианского представления о человеке проявился в кальвинистской идее о предопределенности, согласно которой «Христос пошел на крест не за всех, а только за избранных». Из учения о предопределении выросли расовые и социальные доктрины, разделяющие человечество на высшие расы и низшие, на бедных и богатых. «И современный Запад вырос, как цивилизация, на этом расизме». Достаточно вспомнить, как при нехватке рабочей силы в США, были захвачены и обращены в рабство миллионы африканских мужчин.

Конкретные исторические события произошли в результате «мировоззренческого сдвига», вследствие которого изменилось отношение к человеку. Вследствие «мировоззренческого сдвига» изменилось и отношение к деньгам.

«Отход от Евангелия» – вот причина, в результате которой в период Реформации возникло новое, необычное для традиционного общества отношение к наживе. «Одно только признание богоугодности ростовщичества, совершенно необходимое для развития финансового капитала, означало важное изменение в теологии западного человека». Здесь

профессор ссылается на исследование М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма».

Протестантизм, разрушивший священные символы, дал будущим манипуляторам руководящий принцип: прежде чем овладевать умами людей, необходимо разрушить священные образы. «Штурм символов» является подготовкой к процессу манипуляции массами.

Манипуляция удастся там, где удастся «отключить средства психологической защиты каждой личности и общественных групп». Манипуляция как тип власти и стала возможной «благодаря тому, что был снят тот защитный пояс символов, который придавал прочность сознанию христианской Европы Средневековья»[60].

С появлением СМИ возможности манипуляторов увеличились. Они не всегда стараются «перевербовать» людей в свою веру. Их задача на определенных этапах состоит в том, что «поставить под сомнение все ценности вообще, опорочить все священные символы и тем снять психологическую защиту против манипуляции»[61].

Здесь нужно учесть, что речь не о замене одной системы ценностей на другую, столь же целостную. Речь идет о разрушении системы, о релятивизации ценностей. Лишая людей нравственных ориентиров, их лишают той системы координат, в которой они могли бы различить добро и зло. «Помещение человека в атмосферу аморальности отключает его систему навигации, это как включение генератора радиопомех, чтобы сбить самолет с курса»[62].

Пока же сознание «армировано» включениями иррациональных представлений, оно является устойчивым к манипуляции. Интересный факт. В годы перестройки, которая происходила в России в 90-х годах XX века, наиболее устойчивыми к манипуляции оказались крестьяне. Наиболее же подверженными манипуляции оказались интеллигенты, люди рационального склада ума. Тех, у кого были подавлены традиционные запреты, было легче запутать, чем людей с более низким уровнем образования[63].

Логика человека, отказавшегося от традиционных норм и традиций, поддается просчету. И его мышление не сложно отключить. «Наиболее чистое логическое мышление и беззащитно в наибольшей степени», – так считает профессор.

В качестве примера он приводит известную историю с компанией АО «МММ». После массированного рекламного «артобстрела» сознание людей было искусственным образом расщеплено, и они стали вкладывать свои деньги в эту компанию без всякой надежды получить их обратно. «Даже после полного и окончательного краха, 29 июля 1994 г. тысячи людей стояли в очереди, чтобы купить со скидкой билеты ”МММ”».

Рекламная компания «МММ» была ориентирована на мысль о легкой наживе. Она и протаранила рационально-мыслящие мозги. Но соблазн наживы был бы отстранен, если бы «в поток рационального мышления» были бы включены «блоки религиозного сознания». Возник бы диалог с ветхозаветной заповедью «есть хлеб свой в поте лица своего». То есть возник бы заслон, предохраняющий сознание от манипуляции.

С помощью мышления традиционного укрепляется мышление рациональное. «островки традиции», которые хранятся в глубинах исторической памяти, служат «эффективными устройствами аварийной сигнализации». Они «действуют автоматически и их трудно отключить извне».

Взять, к примеру, многочисленные русские пословицы. Они говорят, что не видать добра от легких денег и спекуляций. «Если бы эти пословицы, как отражение “неявного знания”, были бы включены в оснащение ума, то при рассуждениях о возможных выгодах вклада в “МММ” они подавали бы тревожные сигналы и многих заставили бы внять голосу здравого смысла».

«Арматура традиции в рациональном мышлении действует как общий механизм, предотвращающий сознание от расщепления». Этот вывод крайне важен для нас, потому что расщепление сознания стало массовым явлением. Расщепление сознания (шизофренизация), может вызываться искусственно с помощью СМИ и различных психотехнологий.

Человек с расщепленным сознанием теряет способность устанавливать связь между явлениями, не может критически их осмыслить. Ему «не остается ничего иного, как просто верить выводам приятного диктора, авторитетного ученого, популярного поэта»[64].

Лишаясь «главного» в системе мироощущения, человек становится абсолютно внушаем

Опираясь на выводы профессора, вернемся к нашему старому знакомому – Генри «Хэнку» Чинаски. Помните, мы говорили об этом индивиде, который, не найдя «главное», пребывал в обстановке «равнозначности» смыслов? Прототипом Генри явился писатель Чарльз Буковски, автор стихотворения «Неспособность быть человеком». В этом стихотворении Христос и замороженный йогурт были представлены как одинаковые ценности, равно ничтожные для автора.

Философия Генри показывает, что с его сознания «защитный пояс символов» был снят. Произошла «релятивизация ценностей». Его мышление не было «армировано блоками религиозного сознания».

Мы уже говорили с Вами, что человек при таком положении дел может осмыслить лишь «сиюминутное». Теперь поговорим еще об одном аспекте проблемы.

В уста Генри вложены слова мистера Чарльза: «Меня всегда восхищали подлецы, разбойники, сукины сыны. Мне не нравятся гладковыбритые мальчишки при галстуке и приличной работе. Я люблю людей отчаянных, с перебитыми челюстями, раздолбанной башкой и сломанной жизнью»[65].

Чтобы понять природу этого высказывания, нужно знать о последствиях погружения в «равнозначность» смыслов. Казалось бы, не отдавать ничему предпочтения – это и есть вожденная свобода. Ветреные женщины и шустрые мужчины обычно так и говорят: «Мы свободу ставим превыше всего, поэтому не связываем себя привязанностями. Живем сегодня здесь, а завтра – там».

По иронии судьбы любители свободы действительно находят то вожденное сокровище, к которому стремились, только пахнет оно нестираным бельем морщинистого человека, который ждет смерти в полном одиночестве. Нет ни детей, ни внуков. Еще и нечего вспомнить. В памяти человека не живут воспоминания о том «подлинном» и «вечном», которому он по силам своим старался служить во дни земной жизни. «Ради чего я жил?» – спрашивает себя человек. И не может ответить на этот вопрос перед лицом надвигающейся смерти. Ужас раскалывает человеческую личность. Происходит ее распад.

Но это все – в старости, до которой еще надо дожить. В молодости полная свобода, которую на разный манер восхваляют любители поговорить, приводит к неприятным последствиям.

«Хиппи так и не смогли понять, – писал Данилин, – что их “полная свобода”, усиленная марихуаной, мескалином и , означает... полную пустоту». Расшифровывая это заявление, Данилин объясняет, что «восприятию необходим смысл как некоторая ось, на которую человек может нанизывать то, что он воспринимает». В условиях отсутствия такой оси внутренние мнения и образы, приходящие извне, будут «восприниматься как абсолютно равные по своему значению». Выбор падет на то мнение и на тот образ, которые будут действовать наиболее интенсивно. Такое состояние можно назвать абсолютной внушаемостью. «Человек слышит не то, что для него важно, а то, что звучит громче. Он становится неспособным сделать выбор между вещами, которые имеют для него значимость, и вещами, которые к нему отношения не имеют»[66].

Образ какого мужчины обладает наибольшей «эмоциональной громкостью»? Чьи образы привлекают внимание Генри, который может осмыслить лишь «сиюминутное»? Неудивительно, что его внимание привлекают образы таких колоритных типажей, как отчаянных людей с «раздолбанной башкой».

Образ какой женщины действует наиболее интенсивно и «звучит громче»? Какие женщины нравятся Генри? «Мне также нравятся, – говорил он, – опустившиеся женщины, матерящиеся пьяные сучки со спущенными чулками и размалеванными лицами»[67].

Таковы особенности человека, который, устраиваясь на работу, написал в анкете везде слово «нет». В том числе, в графах «хобби» и «вероисповедание»[68]. Его жизненное кредо заключается в словах: «Я не люблю законы, правила, религию и мораль. Я не хочу служить обществу»[69].

Казалось бы, такой человек свободен. Но на самом деле, нет. Любая, даже самая разрушительная мысль, попавшая в его сознание, может быть им принята как руководство к действию.

Несколько недоуменных вопросов о мотивации к излечению людей зависимых от ПАВ. Как перепрыгнуть через проблему смерти?

В мировоззренческой системе такого человека психоактивное вещество (ПАВ) не является злом. Как выразился Генри: «Быть пьяницей – особый талант. Это требует упорства»[70]. Можно ли оспорить позицию Генри и доказать ему, что он поступает плохо? Допустим, кто-то рискнул заняться этим делом. Генри не глуп, и если он вообще удостоит оппонента беседы, то спросит, на основании чего тот утверждает, что пить – это плохо.

Оппонент говорит: «Но ведь ты же не можешь жить так. Ты должен служить обществу».

«Я не хочу служить обществу», – отвечает Генри.

«Каждый человек должен иметь профессию», – не сдается трезвенник.

А Генри на это философски замечает: «В этом мире все хотят что-то делать. Некоторые плюют на это, но остальные спешат что-то делать, кем-то стать: пилотом планера, сыщиком, генетиком, проповедником и так далее. Иногда я устаю думать о вещах,

которые я не хотел делать, о всём, чем я не хотел быть, о местах, где я не хотел побывать. <...> Спасать китов... И всё такое... Я этого не понимаю».

Для тех, кто не смотрел фильм «Пьянь», подсказываем, что здесь на выручку Генри приходит бармен. «Лучше об этом не думать, – говорит он, наливая Генри стопку “огненной воды”. – Весь фокус в том, чтобы не думать об этом».

И Генри не думает. Необходимость иметь профессию для него не очевидна. И, можно предположить, что ценность человеческой жизни – тоже. Что мы предложим ему, чтобы мотивировать его на отказ от алкоголя?

Вопрос не праздный. И не только в случае с Генри, но многих и многих людей. Этот вопрос оценивается в огромное количество человеческих жизней, которые могут быть спасены в случае состоявшейся мотивации. А могут быть и не спасены в случае ее провала.

«Из 100 приходящих к нам наркозависимых, – сообщает игумен Анатолий (Берестов) – остаются на реабилитацию не более 40 человек. И это вовсе не из-за нашей плохой работы (работаем-то мы лучше, чем 10 лет назад), а из-за отсутствия мотивации к излечению на фоне низкой духовности»[71].

Создание мотивации возможно лишь на фундаменте каких-то ценностей при пробуждении стремления к какой-то цели. Но цели и ценности у многих молодых людей отсутствуют. Желание купить дачу и машину – это еще не цель. А дача и машина – это еще не ценности. Иначе, нужно назвать философом и бурундука, который тащит в свою нору все, что ни попадется ему на пути.

Формирование целей и ценностей зависит от того, что человек выберет за «главное». Но у сегодняшней молодежи «главного» практически нет. Он живет в обстановке равнозначности смыслов. И молодые люди, по выражению Данилина, «не в состоянии ощутить иерархию идей и объектов этого мира».

При общении с людьми такого склада ума мы совершаем одну постоянную ошибку. «Если мы пытаемся учить или лечить «виртуального» человека, то исходим из того, что главное – любовь к семье, совесть или хотя бы стремление сделать карьеру – у него есть. Но это не так. Он стремится только получать и потреблять»[72].

О совести см. во второй части в главе «Что такое совесть? И как ее угасание связано с угасанием государства?»

Психологию людей, употребляющих наркотики, тяжело понять именно в связи с тем, что они не придерживаются установившихся в обществе ценностей. Делясь своим опытом, нарколог Сергей Белогулов говорит, что этих людей «мало интересует здоровье, уважение окружающих, покой и чистая совесть – если перечисленное мешает получать наркотики в удовлетворяющих их количествах»[73].

Как объяснить человеку, что завести семью и работать – это хорошо, а употреблять наркотики – это плохо? Он не чувствует себя больным. Ему, по выражению Данилина, живётся просто, хорошо и весело. А врачи, члены семьи и друзья пытаются его уговорить начать скучную, с его точки зрения, жизнь, то есть «учиться, работать, думать, создавать семью»[74].

Трудность диалога с зависимым человеком отражена в следующем анекдоте. Колхозу дали премию, и директор колхоза собрал народ, чтобы сообща решить, куда вложить деньги. «Предлагаю купить сеялку, – говорит директор. Двигаясь по пути механизации труда, мы повысим производительность труда. А значит, мы получим возможность расширить производство и, как следствие, – увеличить прибыль. Кто голосует за покупку сеялки?». Наркоман, сидящий в последнем ряду, подает голос: «А на фигу она нам нужна?!» «Разумно, – отвечает директор. – Сеялка у нас есть. Тогда предлагаю купить кинопроектор. После активного трудового дня мы будем показывать работникам колхоза шедевры мирового кинематографа. Это будет способствовать рекреации работников. После культурного отдыха они смогут работать с большей отдачей. Ну, и, как следствие, у них повысится производительность труда, что повлечет увеличение прибыли колхоза. Кто голосует за покупку кинопроектора?» «А на фигу он нам нужен?!» – опять стонет наркоман. «Ну, хорошо, – говорит директор. – Давайте послушаем Вас, молодой человек. Каковы ваши предложения?» «А, давайте купим воздушный шар!» – говорит наркоман. «Оригинально, – оживился директор. А какова цель проекта? Каков план его реализации?» «А мы возьмем его и лопнем». «Зачем же?» – растерялся директор. «А на фигу он нам нужен?!» Какой идеей и как «зажечь» человека? Тупиковый для взрослых вопрос.

Беда в том, что не все взрослые люди, вытаскивающие наркомана из зависимости, сами верят в том, о чем говорят и в то, к чему его призывают. Если у них нет чувства убежденности в собственных словах, то они не смогут зажечь других людей своим призывом.

Многие ли из взрослых искренно верят, что семья является ценностью? Если да, то где здоровые семьи? Почему их так мало? Многие ли из взрослых верят, что честный труд по совести является тем, к чему нужно стремиться?

Понимают ли взрослые, к чему они призывают? Верят ли сами в то, о чем говорят? Они это поймут, если с предельной честностью попытаются дать ответ на вопрос: «И, чё?» (Орфография вопроса заимствована с одной фотографии из «Интернета». Под ней написано: «Аргумент, разбивающий все доказательства». Этот несокрушимый аргумент и есть тот самый вопрос «И, чё?»).

С предельной честностью пусть человек поставит перед каждым пунктом своей жизни этот вопрос. Выдержат ли ценности его жизни такую проверку? А что, если этот вопрос возьмет на вооружение наркозависимый подросток?

– У тебя будет семья!

– И, чё?..

– Ну, как «чё»? Ты найдешь работу, будешь приносить пользу обществу!

– И, чё?..

Если человек сам для себя не ответит честно на эти вопросы, то представляется маловероятным, что он сможет кому-то что-то внятно объяснить.

Вопрос «И, чё?» является универсальным инструментом, которым можно испытать на прочность все, что угодно. Вопрос «И, че?» практически всеислен. Он обнажает дно в любой системе, он ищет твердый смысл. «И, че?» – три буквы слившись вместе,

приобретают пробивную силу с почти несокрушимой мощью. Протараниваются филигранно разработанные доктрины.

Давайте, начнем с главного, с вопроса о смысле жизни. Для людей, зависимых от ПАВ – это актуальнейший вопрос. Согласно данным Виктора Франкла, у 90% больных алкоголизмом и 100% (!) пациентов-наркозависимых выявляется потеря смысла существования.

Итак, ради чего жить?

Ответит кто-то: «Ну, провести недурственно лет 20–30, кучу денег заработать». Но лишь вступает в силу аргумент: «И, че?» – как человек сникает. Как бы он не хорохорился своими «целями» и «смыслами» он подойдет к черте, за которой все покрывается могильным тленом.

Один состоятельный человек стал задумываться о переменах в жизни, когда столкнулся с этим вопросом. Он устраивал шикарные дни рождения с осетриной и танцовщицами. Но однажды он задумался. «Ну, устраиваю я такие праздники, и что дальше? Итог-то какой?»

Представьте: 24 часа в сутки рядом с вами находится человек, который пристально смотрит вам в глаза и молчит. Вы просыпаетесь, а он смотрит в глаза и молчит. Вы работаете, разговариваете с друзьями, но постоянно вас сверлят глаза огненного незнакомца. Его глаза молчаливо спрашивают вас каждое мгновение: «И что? Что дальше?» И само страшное заключается в том, что некоторые люди не знают, что ответить.

«Око смерти, – пишет Иван Ильин, – глядит просто и строго; и не все в жизни выдерживает ее пристального взгляда». Утвердиться перед лицом смерти может лишь то, что значительно и священо, лишь то, «чем на самом деле стоит жить». А все, что мелко и ложно, – то сокрушается. Пошлые содержания жизни от взгляда смерти вспыхивают, словно листы бумаги. Они «чернеют, распадаются и истлевают в пепел»[75].

На этот счет можно привести детскую шутку. Она весьма жестокая, правда. Поймал Кинг Конг[76] человека, поставил его на ладонь и спрашивает: «Ну, и, чё?» «Да, ничего», – отвечает человек. «Ну, и все!», – восклицает Кинг Конг, раздраженно потирая ладонь о ладонь.

Шутка актуальна. Заработал человек кучу денег, жить бы ему да и радоваться. Ан, нет! Точит его изнутри каверзный вопрос, на который он все никак не может ответить. Вконец измаявшись, человек говорит себе: «Да, ничего!» И достает шкалик с водочкой, чтобы, «залив глаза», отключиться от «надоедливого собеседника».

И попробуйте Вы ему объяснить, что пить – это плохо. В контексте смерти это утверждение теряет смысл. Человек верит, что через несколько лет его не станет. А в случае отказа от алкоголя, он эти годы проведет в борьбе. Первый год будет особенно тяжел. И ради чего ему терпеть депрессию, бороться, принуждать себя? Ради семьи и детей? Вы думаете он послушает? Поймите, человек поверил в то, что его не станет. Какая разница ему, что будет с семьей и детьми! «Отстаньте от меня! Мне осталось жить 10 лет!» – так восклицал один мужчина на слезные просьбы жены перестать пить.

Вдумайтесь в эти слова. Возможно, они клином вбили в головы многих представителей молодого поколения. Современные подростки чрезвычайно быстро соображают, среди

них много тех, кто умен и догадлив. Их ум практичен. На предложения партнеров они тут же отвечают: «И, чё?» Если ответ их не устраивает, то они не идут на сделку.

Роковой вопрос вяжет и их самих. Он вползает тихим туманом в сознание. И, парализуя мозг, требует найти противоядие от самого себя. В поисках противоядия подростки своим пытливым умом «сканируют» окружающую их действительность. И ответа не находят. Так для них начинается падение в бездну.

Может быть, вид быстро приближающейся земли разбудит в ком-то инстинкт самосохранения? И, быть может, у кого-нибудь вырастут крылья.

Так наркозависимая Соня – героиня фильма «Повторяющие реальность» (2010), идя по перилам дамбы, сорвалась вниз в клокочущую бездну. В виду некоторых чрезвычайных обстоятельств она выжила. И вот что она сказала своим друзьям: «Я уже думала о суициде. Но прямо перед тем, как это случилось, так вдруг захотелось жить».

Такое бывает. Реально жившая Ольга Гаврилова, неоднократно пытавшаяся бросить наркотики, испробовала все: клиники, наркологов, психотерапевтов, экстрасенсов. Но все было бесполезно. «Я знала, – рассказывала она, – что наркоман живет 5–7 лет. Начали умирать мои друзья, подруги, знакомые. Умерли почти все, около 10 человек. Умерла моя подруга Маша. Это потрясло меня. Я испугалась. Я не хотела умирать. Я знала, что выход из наркотиков – это тюрьма, это смерть. Или чудо. Я начала ждать чуда. Сначала очень робко, потом отчаянно. Я научилась просить: «Господи, помоги мне, если Ты есть. Я не хочу умирать, не хочу, не хочу умирать! Не могу так жить!» Этот свой вопль ко Господу я повторяла часто-часто, мучилась, искала выход»[77].

Но бывает, что инстинкт самосохранения так и «не срабатывает». Голос инстинкта заглушил бы каверзный вопрос «И, чё?» могучим слоганом: «Так надо». Почему инстинкт молчит? Может быть, его задушили холодные щупальца бессмысленности?

Строй мыслей человека, который не видит за гробом ничего, кроме тотального саморазрушения, описал преподобный Иустин (Попович). От имени такого человека он восклицает: «На что мне прогресс, на что мне все бесконечные муки и страдания, которые я переношу на проклятом пути от колыбели до гроба? Для чего мне весь мой труд, и радость, и обязанности, и любовь, и доброта, и культура, и цивилизация, если я умираю весь без остатка? Все то, что зовется прогрессом: и работа, и обязанности, и любовь, и доброта, и культура, и цивилизация, все эти лжеценности – вампиры, которые сосут мою кровь, сосут, сосут... Будь они прокляты!»[78]

Подобный образом кто-то спрашивает себя: На что мне быть порядочным гражданином? Чтобы через несколько десятков лет умереть? Если смерть неизбежно меня настигнет, то к чему бегать от нее? Тем более, что это бегство часто бывает и мучительным, и затратным? К чему «тянуть волюну?» Не логичней ли будет пойти навстречу смерти сразу?

Итог таких размышлений еще два тысячелетия назад описал святой апостол Павел. Ответ людей, поверивших в неодолимость смерти, звучит вот так: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» (1 Кор 15. 32).

По такой схеме жил один наркозависимый юноша. В результате серьезного изучения экономики он натренировал в себе способность логически мыслить. И рассудок с убийственной прямоотой начал говорить ему, что из концепции о неумолимости смерти

единственный логичный вывод – самоубийство. Юноша выбрал «смягченный вариант» самоубийства – безоглядное прожигание жизни в наркотиках и драках.

«Если же смерть – окончание человека и человечества, тогда, – пишет от лица таких людей преподобный Иустин, – лучший и самый последовательный шаг – замереть в полной отчаяния инерции и совершить самоубийство»[79]. Примечательно, что услышав это изречение, юноша кивнул. «Да, именно так все и было», – сказал он.

Изменить траекторию жизненного пути ему удалось после усвоения мировоззрения, изложенного в главе «Религиозный взгляд на зависимость от психоактивного вещества (ПАВ). Почему принимать наркотики это плохо?»

Сколько «юношей» из ста усваивают это мировоззрение? И сколько остаются при материалистическом подходе к проблемам мироздания?

Этот подход крайне непоследователен. С одной стороны, человека убеждают, что он всего лишь животное, от которого после смерти останется горсть гниющего навоза. А с другой – от него требуют каких-то высоких порывов и жертв во имя «мира во всем мире», во имя семьи и общества.

Запомните, эти цифры: «У 90% больных алкоголизмом и 100% (!) пациентов-наркозависимых выявляется потеря смысла существования». И этим людям, пытаются объяснить, что они губят свое и чужое здоровье, что они преждевременно умирают, нарушают общественный порядок и не приносят пользу обществу.

Давайте оценим некоторые из аргументов, с помощью которых нарко-и алкоголезависимых людей пытаются призвать к изменению жизни. Рассмотрим эти аргументы с секулярной, нерелигиозной точки зрения. И в своих оценках дойдем до крайних пределов.

[1] Псалом 74 стих 4.

[2] *Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп.* Православный катехизис. М.: [Московская Патриархия], 1990. С. 21.

[3] *Антоний (Сурожский), митр.* Труды. М.: «Практика», 2002. С. 121.

[4] *Кремлевский А.* Грех первородный // Православная Богословская энциклопедия под редакцией архиеп. Бориса (Даниленко). Изд-е 2-е. С. 771–772.

[5] Некоторые мысли на эту тему находятся в одноименной беседе Беседа «Через любовь вырваться из замкнутости (часть 1, часть 2)».

[6] Некоторые мысли на эту тему находятся в беседах, объединенных общим названием «Познать свое призвание и следовать ему». Беседы: «Измена призванию», «Раздробленность природы», «Внутренний ад», «Логос – цель и путь жизни», «Сосредоточиться на главном» и др.

[7] «Библейское отношение к спиртному». Краткий конспект одноименной дискуссии. Библейский дискуссионный клуб, г. Монреаль, Канада.

- [8] *Анатолий (Берестов), иг.* Табакокурение, алкоголизация и наркомания // Возвращение в жизнь. Духовные основы наркомании, наркомания и право.
- [9] *Сергий (Старгородский), патр.* Возмездие // Православное учение о спасении.
- [10] *Феофан Затворник, свт.* Созерцание и размышление. С прил. Жития свт. Феофана и Службы ему. М.: Правило веры, 2000. С. 460.
- [11] Там же. С. 462–463.
- [12] См. «Главы о заповедях и догматах, угрозах и обетованиях, – еще же – о помыслах, страстях и добродетелях, – и еще – о безмолвии и молитве», главу 34 в пятом томе книги «Добротолюбие».
- [13] *Белогуров С.Б.* Почему случаются рецидивы // Популярно о наркотиках и наркомании.
- [14] С чистого листа. О тех, кто стоял у черты. Изд. Свято – Елисаветинский женский м-рь. Минск, 2003. С. 64.
- [15] *Анатолий (Берестов), иг.* Православные программы реабилитации молодежи с аддиктивным поведением // Сравнительный анализ православной методики реабилитации и программы «12 шагов».
- [16] *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Моя жизнь во Христе. Репр. изд. 1893 г. СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1994. Ч.1. С. 43.
- [17] *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Апокалипсис мелкого греха.
- [18] *Белогуров С.Б.* Кто чаще становится наркоманом // Указ. соч.
- [19] *Кара-Мурза С.Г.* Глава 25 // Манипуляция сознанием.
- [20] Там же.
- [21] *Белогуров С.Б.* Что может и чего не может современная медицина // Указ. соч.
- [22] 60 лет «падшему ангелу» Микки Рурку.
- [23] *Буковски Ч.* Неспособность быть человеком.
- [24] *Данилин А.Г.* Что такое «трип», или острые эффекты действия // . Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001.
- [25] Там же. См. «Существует ли зависимость от ?»
- [26] Там же. См. «Отдаленные последствия психоделии».
- [27] Там же. См. «Галлюциногены в истории человечества».
- [28] Там же. См. «Одномерность» и «виртуальность».
- [29] Там же. См. «Эпидемия мистического анархизма».

- [30] Там же. См. «Неуверенность на протяжении человеческой жизни»
- [31] *Буковски Ч.* Указ. соч.
- [32] *Анатолий (Берестов), иг.* Интеллектуально-мнестические нарушения личности // Возвращение в жизнь. Духовные основы наркомании, наркомания и право.
- [33] Там же.
- [34] *Николаев В.Н.* Из рода в род. Документальная повесть. Спасо-Преображенский Мгарский монастырь. С. 100.
- [35] Н.Е. Маркова – руководитель центра коммуникативных исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, член координационного совета по социальной страте при Председателе Совета Федерации РФ.
- [36] Скрытые искусители или снасти на потребителя (в плену информационных технологий). М.: Издательство Душепопечительского Православного Центра св. прав. Иоанна Кронштадтского, 2007. С. 254.
- [37] *Данилин А.Г.* Неясное // Доклад на семинаре «Проблема марихуаны: очевидное и неясное».
- [38] Там же.
- [39] *Каплан В.* Дыры в стене // Фома. 2013. Август. С. 38.
- [40] *Тихомиров Л.А.* Философия истории и религия // Религиозно-Философские основы Истории.
- [41] *Данилин А.Г.* Указ соч.
- [42] *Воробьев В., прот.* Приближается трагедия религиозного образования в России.
- [43] *Курбатов Ю.* Столица семьи. Как любовь меняет город.
- [44] *Николаев В.Н.* Указ. соч.
- [45] Там же. С. 135.
- [46] Там же. С. 139.
- [47] Там же. С.193.
- [48] Там же. С. 133.
- [49] *Тихомиров Л.А.* Философия истории и религия // Указ. соч.
- [50] Там же. См. «Историческое развитие основных религиозно-философских идей».
- [51] Там же. См. «Атеистическое воплощение религиозного идеала».

- [52] *Николай Сербский, свт.* Благословен Господь, ожидающий исправления // Сквозь тюремное окно. Послания сербскому народу из концлагеря Дахау.
- [53] Там же. См. «Начало премудрости страх Божий».
- [54] С чистого листа. О тех, кто стоял у черты. Минск: Свято-Елисаветенский женский монастырь, 2013. С. 79–80.
- [55] Там же. С. 94.
- [56] Там же. С. 97.
- [57] Там же. См. «Начало премудрости страх Божий».
- [58] *Тихомиров Л.А.* Историческое развитие основных религиозно-философских идей // Указ. соч.
- [59] *Николай Сербский, свт.* Солнце правды – Христос // Указ. соч.
- [60] Там же. См. главу 4, параграф 3.
- [61] Там же. См. главу 23.
- [62] Там же. См. главу 10, параграф 1.
- [63] Там же. См. главу 6, параграф 1.
- [64] Там же. См. главу 6, параграф 1.
- [65] *Буковски Ч.* Кремень.
- [66] *Данилин А.Г.* Существует ли способ измерить собственную онтологическую уверенность? // . Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости.
- [67] *Буковски Ч.* Кремень.
- [68] Фильм «Пьянь» (1987).
- [69] *Буковски Ч.* Кремень.
- [70] Фильм «Пьянь» (1987).
- [71] *Анатолий (Берестов), иг.* «Шаги» и правда о них // Сравнительный анализ православной методики реабилитации и программы «12 шагов».
- [72] *Данилин А.Г.* Одномерность в виртуальность // . Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости.
- [73] *Белогуров С.Б.* Глава 7 // Популярно о наркотиках и наркомании.

[74] *Данилин А.Г.* Как приём героина изменяет психику молодого человека? // Героин. М., 2000. Анатолий (Берестов), иг. Интеллектуально-мнестические нарушения личности // Возвращение в жизнь. Духовные основы наркомании, наркомания и право.

[75] *Ильин И.* О смерти. Письмо первое // Поющее сердце. Книга тихих созерцаний.

[76] Гигантская горилла. Персонаж многих фильмов.

[77] Информационно-просветительский журнал №2. С. 56–57.

[78] *Иустин (Попочич), прп.* Прогресс в мельнице смерти // Философские пропасти.

[79] Там же.